

НОВОБОРИСОВСКАЯ - УЛИЦА МОЯ !

В моей судьбе ты стала главной,
Родная улица моя...
(Из песни)

Вместо предисловия

Как-то осенней слякотной ночью в беспокойные бандитско-криминальные девяностые годы двадцатого века возвращался я с большущей (по тем временам) "кучей" денег с шабашных "левых" заработков домой. Подвозил меня до родного города знакомый парень - Володя, с которым мы всю дорогу болтали обо всех нынешних напастях: о страшной безработице, о ставших постоянными, в том числе и в нашем захолустном Никольске, уличных крутых разбоях, междусобойных разборках, о кратно, да-да - кратно, увеличившихся кражах, убийствах, да и вообще, об очень-очень тяжёлой нынешней жизни нашей...

Попросил Володю высадить меня у круглосуточно работающего продовольственного магазина, что располагался на перекрёстке улиц Конева и Новоборисовской.

- Хочу купить шампанского, чтобы отпраздновать сразу же возвращение - всё-таки удачно съездил, хорошо заработал, - поделился я своей радостью с водителем. - А ты поезжай, не жди меня. До дома всего-то полтора квартала - потихонечку дойду.

- Сходи, купи, порадуйтесь дома встрече и удачному заработку с супругой. А я тебя всё-таки подожду здесь. Довезу до самого дома, как бы чего с тобой не вышло. Время всё-таки позднее - три часа ночи. Тьма кругом кромешная, а ты при таких "бабках". А вдруг какая-нибудь шпанистая компашка высматривает здесь припозднившихся клиентов - покупателей, чтобы их грабануть, а?

- Да ты что Володя говоришь-то? Новоборисовская -это ж моя улица! Я тут старожил, рождён здесь, на этой улице и до сих пор в этом родном микрорайоне проживаю! Кстати, я самый первый, кто родился на чётной стороне родной моей улицы, и чётной же стороны улицы Комсомольской от Новоборисовской до Оботурова. Здесь, на Новоборисовской и на Восточной, меня каждая собака знает, не говоря о людях! И чтобы меня вот тут хоть кто-то бы пальцем тронул? - Смех да и только! Абсолютно сия ситуация исключена.

- Ну, ты, Николай, даёшь, ведь всякое бывает. Свои-то уж может и не тронут, а вдруг какие-то чужаки тут окажутся, круглосуточный-то магазин в городе один, и где, как не здесь, пастись бандюжатам-грабителям.

- Брось шутить, Володя, не жди, поезжай!

Когда я вышел из магазина, водитель, подняв капот автомобиля, ковырялся в двигателе.

- Всего доброго, Володя, ещё раз спасибо тебе за благополучную доставку, - крикнул я и, помахав ему рукой, растворился в ночной темноте...

Спустя где-то два месяца встретился с Володей случайно на улице.

- А я ведь тебя всё же проводил тогда до самого дома. Подстраховал на всякий случай. Уж больно ты той ночью был благодушен, и слишком беспечен...

- Спасибо тебе за это, Володя, ещё раз большое спасибо. Но, всё равно, я даже представить себе не могу, чтобы на Новоборисовской кто-то посмел бы меня обидеть, даже хотя бы пальцем тронуть. Это же невозможно, это же, повторюсь, моя родная улица. Она, как живое существо, сама меня и стережёт, и оберегает, и лечит, коли это потребуется, с самого моего рождения. Так сказать, с самых пелёнок до дней нынешних...

- Ох, и самоуверен же ты, Николай, и в то же время глубоко наивен. Всё в облаках витаешь, пора бы с детскими-то иллюзиями расстаться. Ведь жизнь-то теперь на дворе совсем иная настала - жестокая и бессердечная...

- И всё же, Володя, я остаюсь при своём мнении: я здесь, в своём микрорайоне, не просто свой человек, а в какой-то мере, даже чувствую себя хозяином. Ведь я здесь теперь самый старший по возрасту, да-да, из всех новоборисовских старожилов.

1

В тесноте, да не в обиде.

До 1950 года город с восточной части ограничивался улицей Новоборисовской, причём дома стояли только на нечётной её стороне (смотри схему). А сразу же за улицей начинались картофельные грядки (по нашему - загоны) никольчан, проживавших в так называемых коммунальных четырёх и восьмиквартирных старой постройки деревянных домах, не имевших даже самых малюсеньких приусадебных участков. Не было домов дальше и по великоустюгскому тракту, что проходил по улице Комсомольской (ныне улица маршала Конева), вплоть до деревни Оботурово (иногда называют Аботурово). Наш дом, построенный в 1950 году, в год моего рождения (ровесники), первым "перешагнул" существовавшую до этого времени восточную границу Никольска. Отвели нам под строительство и под приусадебный участок (поникульски того времени - под план) в общей сложности десять соток. Участок был нарезан вдоль устюгского тракта. И работа закипела. На всё, про всё было отпущено только лето. Скитаться по чужим углам и в дальнейшем, в планы отца и матери не входило. Переезды туда-сюда надоели, хотелось осесть навсегда, занять свой угол, свой дом, свою "крепость". Родители, "отпахавшие" на "дальних северах" в Большеземельском районе, Ненецкого национального округа, Архангельской области целую десятилетку, сумели скопить некую сумму денег, что и позволило им купить сруб размером 6х6 метров, необходимые пиломатериалы, дранку на кровлю, кирпич, цемент и прочую мелочь, нанять строителей и печника. Родители и сами с великим желанием участвовали в строительстве. Я же, запелёнанный, лежал в импровизированной кровати, спал на свежем воздухе, благо лето было жарким и не дождливым. Проснусь, громко заплачу, мать меня перепеленает, грудью покормит, снова уложит спать, а сама опять за работу...

В таких вот праведных трудах и прошло лето. Осень тоже не подкачала с

погодой. Таким образом, в преддверье мы справили новоселье. Первым в дом внесли меня. "Хозяин определился", - смеялась позднее мать, рассказывая о влажинах в первое своё собственное жильё. Этой же осенью вдоль огорода с северной стороны были высажены десять берёзок.

До сих пор удивляюсь, как мы семером: родители, нас, детей, четверо и бабушка Опроша (Апроксинья) - моя няня, умудрялись разместиться на 36 квадратных метрах, минус печка, что стояла чуть ли не по середине нашей хибарки, минус два стола, три кровати, ножная швейная машина. Ступить вроде бы некуда было. Тем не менее, жили не тужили - не "толкались". Правда, с ранней весны и до поздней осени нашей детской "спальней" был чердак. Вся четвёрка отправлялась на "мансарду", на свежий воздух. Вот уж тогда-то, в самом непосредственно доме становилось попросторнее.

2

Год 1953. Полоски чёрные, полоска белая.

Первое в жизни, что запечатлела моя память - это расставание моё с няней в 1953 году (она была сестрой нашей бабушки по материнской линии). Мне тогда исполнилось всего три годика. Апроксинья (сестра бабушки Настасьи по материнской линии) от нас уезжала нянчиться со своими кровными внуками. Летом приехали к нам её дети из деревни Кудрино и уговорили вернуться, как они сказали, на родину. Дескать, нечего мыкаться по чужим углам, и доживать свои остатные годы нужно в своём доме. Мать же рассчитывала, что Апроксинья будет со мною водиться до самой школы, и меня не будут отдавать в детский сад, ибо моё здоровье оставляло желать лучшего и очень волновало родителей (об этом чуть позднее). Я её, Опрошу, очень сильно любил, поэтому в буквальном смысле слова при прощании исходил плачем. Расстались мы очень плохо. Мать, прекрасно знавшая скуповатых, жадных и завистливых детей Апроксиньи, в грубой форме предупредила её о том, что через пару-тройку лет она будет выгнана из бывшего её же дома дочерьми за "ненадобность". Мама напоследок высказала ей с обидой: "Неужели мы с тобой плохо обращались? Ведь пили-ели с одного стола, обували-одевали тебя во всё новое, хорошее. Коля подрос, тебе с ним сейчас легче будет".

- Нет, не останусь, поеду. Они же мне родные. Буду водиться со своими внуками.

- В таком случае, Апроксинья, коль уезжаешь, обратно потом не просись, не приму. - в сердцах высказала мама.

Несмотря на мамины доводы, она всё же уехала. Заглядывая чуток вперёд, скажу - вышло всё по-маминому. Вернулась Опроша к нам через два года, точнее сбежала от дочерей, буквально в лохмотьях. То, что было куплено ей из хороших вещей моей мамой, сёстры прибрали себе. Напутствовали её на дорогу дочери такими словами: "Убирайся к своей Ленке, живи у неё, раз ты считаешь, что к тебе там лучше относятся, нам ты теперь не очень-то и нужна. Старшие дети донячатся. Ленка тебя и оденет, и обует, и прокормит до самой смерти".

Явилась Апроксинья под светлые мамины очи со слезами: "Прости меня Лена,

права ты оказалась, выживают меня детки-то. Пока нужна была им как нянька - держали. А потом попрекать даже куском хлеба стали. Постоянные упрёки, недомолвки. Ведь я теперь у них "лишний рот". Пользы, мол, от тебя нет никакой. Собрала я свои пожитки и пешочком к тебе, Лена, и направилась. Двадцать вёрст по грязи босиком одним духом отмахала. Виновата я перед тобой, Лена. Уж прости меня старую...".

Мать же ни в какую: "А нам-то, ты, милая, теперь зачем нужна? Коля в садик ходит, старшие уже школьники, самостоятельные. Я ведь тебя тогда предупредила, чем это дело кончится. Не послушала - теперь пеняй на себя."

Опроша опустила на колени: "Прости меня, дуру, Лена. Не думала, что дочки так со мной поступят. Прими обратно, некуда мне теперь податься."

Мать малость "сжалилась": "Вот придёт Коля из садика, как он скажет, так и будет."

А у меня на Апроксиныю со времени нашего с ней расставания большущая обида осталась, как рана долго не заживающая. Не хотел я тогда идти в садик, почему-то боялся его. Мне же с бабушкой было очень хорошо. А там? Что там меня ждало? И кто? Боевые сверстники-драчуны? Борьба за игрушки? Я - домашний мальчуган, друзей у меня ещё не было - не появились. Здесь, среди домашних, я привык к любви и ласке, а там, там кому я нужен? Потому и ревел, надрывался при расставании с ней. А когда Опроша уехала я очень долго на неё сердился, считая её предательницей-изменницей. И злость на неё не прошла даже за два года. Ну, никак не проходила, и всё тут.

Таким образом, когда я вечером вернулся из детсада, на прямой, прямо с порога, мамин вопрос, хочу ли я, чтобы у нас жила Апроксиныя, ответил категоричным: "Нет!". Даже через столько времени обида на бабушку не прошла. Таким вот резким, может быть даже и жестоким оказалось первое нелёгкое, самостоятельное моё в жизни решение.

Помню, бабушка меня обнимать-целовать начала. Дескать, что же ты, Коля, забыл, как я тебя любила, как я тебя ласкала, нежила, холила...

Детская обида оказалась всё же сильнее, пересилила добрые, нежные к ней чувства. Я ещё раз сказал: "Нет!" и убежал в слезах на улицу. Домой вернулся уже в потёмках - бабушки нигде не было...

Позднее выяснилось, что вернувшись в Кудрино, она стала нянчиться с детьми в чужих семьях, куда её на время приглашали. Иногда не подолгу жила у дальних родственников, кочуя с места на место и умерла, как говорится "в чужих людях"...

Эх, жизнь-жизнь, как же ты бываешь жестока. Знать бы, где найдёшь, где потеряешь. Да и характеры-то были, видимо, у обоих - ой-ой-ой, что у Опроши, что у меня. Не дай Бог.

К слову, о садике. Как оказалось, зря я его боялся. Там было всё просто замечательно. Воспитательницы - добрые, ласковые, внимательные. Наказаний никаких не было. Игрушек было достаточно. А питание - просто "пальчики оближешь". В сравнении с тем, чем питались дома в большинстве тогдашних послевоенных семей - это было просто небо и земля. Ещё один штрих. Если ребёнок болел и не ходил в садик, после обеда на кухню являлись родственники

и получали завтрак, обед и ужин в полном объёме. Я запомнил, что мои старшие всегда ходили туда с плетёной корзинкой, баночками и тарелочками и возвращались с аппетитно пахнущей вкуснятиной. И ещё, два месяца, не более в садик меня водили и выводили братовья, а позднее мы уже самостоятельно (это не в полных-то ещё четыре года!?) с другом и тёзкой Колей Куклиным посещали сие детское учреждение.

Чем же ещё был примечателен год 1953-й?

Умер И.В.Сталин. Большинство граждан великого и могучего Советского Союза плакали, не стесняясь слёз. Уходила в историю великая эпоха. Не исключение и мои родители. Они очень сильно переживали за будущее, и своё, и наше. Что будет дальше? Найдётся ли достойный лидер в стране, который будет крепить могущество нашего государства? Портрет Иосифа Виссарионовича, точнее репродукция, выстриженная из какого-то журнала и помещённая в самодельную рамку, висела у нас в детской комнате. Частенько и мать, и отец подходили к ней, вглядывались, как бы ища чего-то, что, вероятно, было для них навсегда потеряно. А может быть искали ответы на вопросы, которые ставила перед ними новая жизнь. Перемены и есть перемены, не знаешь, что тебе они дадут, что ждёт тебя впереди: то ли радость, то ли грусть-печаль, да тоска зелёная. Висел портрет до тех пор, пока "великий разоблачитель культа личности Сталина кукурузник Н.С.Хрущёв" не обязал всех коммунистов убрать портреты великого вождя отовсюду. Я хорошо помню, как отец аккуратно, с особой бережливостью снимал, точнее отрывал от стены, приколоченный небольшими гвоздиками портрет, обтёр его тряпочкой, завернул в бумагу и куда-то затем убрал. Спрятал подальше от людских глаз, но не выбросил, как кое-кто это сделали, при этом хвалясь, не таясь гнусной подлостью перед своими знакомыми. А ведь ещё совсем недавно они же пели дифирамбы вождю народов. Эх, люди-людишки - людишечки, ни стыда, ни совести у вас, видимо, не было. У отца же при этом печальном мероприятии - снятия портрета было скорбное лицо. Для него ведь это был удар, удар под дых. Казалось вот-вот хлынут слёзы. На меня это произвело тогда чрезвычайно сильное впечатление. До сих пор помню, и у самого меня теперь при воспоминании набегают слёзы...

В этом же году умер и мой дедушка по материнской линии - Михаил Арсентьевич. К сожалению, я был ещё очень мал, всего три года, и его совсем не запомнил. В первую мировую войну, в 1914 году, он попал в плен и четыре года был в батраках у немецкого земледельца - бауэра. Было очень тяжело ему в неволе. Но он сумел и много хорошего перенять у рачительного шваба-хозяина и попытался кое-что внедрить позднее у себя в личном хозяйстве. По возвращению на родину из плена, он начал кое-что делать у себя на чужой, как говорили однодеревенцы, немецкий, для него же, безусловно, прогрессивный лад. Смотрели земляки как Михаил по-европейски "вкалывает", дивились его рачительности, образцовому порядку, где у каждой вещи или агрегата было своё место: "Совсем тебя, Мишка, немцы переделали на свой лад!" Эх, если бы не та дюже жестоко - принудительная в Советском Союзе коллективизация, стал бы деда Миша крепким хозяином...

А ещё, в 1953 году появился у меня и первый друг. До этого на нашей улице Новоборисовской я был единственным пацанёнком столь малого возраста. Остальные парни - местные старожилы, напомним, тогда была населена только нечётная сторона улицы, были ровесниками моих старших братьев Станислава и Валерия. Бабушка Апроксинья съехала в свою деревню, в няньки. В детсад я должен был начать ходить только с 1 сентября. Родители "повесили" меня на всё лето на шею братьев. Конечно, я был им обузой, но ничего не поделаешь, Опроша подвела и их.

К лету, в соседях у нас обустроился, перевезя дом из Филимоновых Гарей, конюх райкома партии Василий Фёдорович Баёв. И вот, в один из жарких июньских деньков, из ворот их дома вышел моего возраста парнишка, довольно упитанный, дюже скромный. Сел у себя "на канаву" и стал наблюдать как мои братьевья тетёшкаются со мной на полянке, что была напротив нашего дома (смотри схему). Братья позвали его к нам поиграть. А он сидит, как китайский болванчик, ничего не говорит, только приглядывается к нам. Назавтра - та же картина. Снова позвали на полянку. Перешёл через дорогу, уселся на краю лужайки, но к нам не подошёл, и в разговор не вступал, молчал. И лишь на третий день чётко ответил на вопрос Валерия, как его зовут.

- Лёня, - первое слово, прозвучавшее из его уст.

- Давай дружить, - предложил я.

Ответа не последовало, но к нам он придвинулся вплотную. Так завязалась наша дружба на долгие-долгие, как тогда казалось, детские годы. За всё это время мы с ним поссорились всего лишь один раз, и то всего-то на пару дней. Мы уже просто не представляли себя друг без друга.

3

Кому сказать спасибо, что живой?

(Из песни)

Вернёмся, однако, на пару лет назад, в год 1951-й. Ранней весной я очень серьёзно заболел, маялся желудком. Сначала колики, затем дикие боли (со слов матери) замучили меня. Я отказывался от пищи. И лишь козьё молоко малопомалу принимал. Исхудал сильно, "таял" буквально на глазах. Врачи пытались "вытащить" меня, но, увы, всё неуклонно, медленно, но верно шло к летальному исходу. Как на грех в начале апреля отца направили в соседний Кичменгский Городок для подготовки мест складирования, а затем и для проведения разгрузки барж с грузами для нашего района. Операция "Юг", или глубинный восточный завоз - являлась важнейшей в жизнедеятельности никольчан. Водным путём создавался годовой запас основных продуктов питания (мука, соль, сахар, крупы и т.д.), ведь круглогодично проезжих автомобильных дорог в то время у нас не было. Да и автотранспортных единиц насчитывалось с десяток, не более. Причём две из них - легковые, в райкоме и райисполкоме. В военные и первые послевоенные годы у нас работал, точнее нёс службу автобат, завозивший грузы с Шарьи. Рейсы выполнялись в основном по зимней дороге, а летом - изредка. Весной и осенью соваться машинам на шарьинский тракт было бесполезно - сплошная грязь. (Молодые нынешние

никольчане в это не верят. Но ведь это было, было, было...) Зачастую рейс в Великий Устюг или Шарью длился неделю, а в Вологду никто практически и не ездил.

Что было делать отцу? Ведь это, как минимум, командировка на месяц. Просьба не отправлять его на длительный срок из-за тяжёлой болезни сына была первым секретарём райкома КПСС и председателем районного исполнительного комитета в категоричной форме отклонена. Считалось, что это причина неуважительная. Попытка Виталия Николаевича отказаться от исполнения приказа, то есть, как бы "вздрыпнуться", была тотчас же резко пресечена: "Не поедешь - партийный билет - на стол! И с должностью заведующего дорожным отделом РИК-а можешь попрощаться. Дела сдашь заместителю!" В общем, дальнейшая карьера его как руководителя в один миг могла бы накрыться окончательно и бесповоротно. Сторож, либо рядовой чернорабочий (безработицы в советские времена не было, да и не могло быть, при воистину гуманном политическом строе) - такова перспектива ожидала его, вплоть до самой пенсии, в случае неповиновения. Ведь партийное руководство, особенно на местах, не шутило, и особо строптивых наказывало по полной программе...

Пришлось отцу ехать. Прощался он со мной, со слов матери, навсегда, ибо всё шло к тому, что я должен был умереть. Столько ласковых слов в мой адрес было высказано им в момент расставания, столько слёз пролито, мать до этого от него не слыхала и не видала.

Но..., судьба мне улыбнулась в лице тёти Шуры Топорковой - фельдшера детской консультации, которая в прямом смысле слова спасла меня, с того света вытащила. Она приготовила какое-то снадобье, по рецептам бабушек-знахарок, на основе дикого (конского) щавеля. Что это было? Отвар, настойка, вытяжка? Или что-то другое? Медичка с мамой не поделилась - это табу для целителей, секрет за семью печатями. Да, как говорила позднее мать, нам это и не нужно было. Главное, что я резко пошёл на поправку: успокоился, перестал плакать, улучшился сон, желудок стал принимать пищу. Как говорится, ну и слава богу! К слову говоря, после перенесённой болезни желудок у меня больше никогда не болел, не подводил. А мне ведь уже за 70 перевалило!

По завершении навигации вернувшийся домой отец не узнал меня. Кстати, телефонная связь в то время была на столь низком (примитивном) уровне, что переговорить как-то и с кем-то из близких и родных по междугородке было практически невозможно. А узнавать через райком, с которым он ежедневно связывался, отчитываясь о проделанной работе, было бесполезно. Райкомовцы (элита) вряд ли бы стали выяснять, как обстоят дела в нашей семье и затем докладывать отцу. Это для них было равно "падению ниже плинтуса" (как нынче принято говорить), и на это они никогда бы не пошли. Поэтому в течение пяти - шести недель Виталий Николаевич ничегошеньки о моей судьбе не знал.

По возвращении его ждал приятный сюрприз. Я уже бегал (годовалый), смеялся и сумел, как говорили раньше "наесть личико". Как радовался папа, увидев меня, воскресшего за полтора месяца его отсутствия, в буквальном смысле слова из небытия! Я стал навсегда его любимчиком, за что меня всегда,

надо и не надо, укоряли в последствии старшенькие. Он опекал меня буквально во всём, оберегал, заступался, защищал, баловал. Ради меня был готов на всё. На все городские праздники он ходил только со мной. Я знал всех его друзей и сослуживцев. И они ко мне относились доброжелательно. И уж если в городском саду они присаживались за столик за кружечкой пива, водкой тогда особо не баловались, мне как минимум шоколадные конфеты (дефицит того времени, да и дороговаты) всегда были гарантированы.

Мать позднее, уже школьнику, рассказала (я сам не запомнил, мне тогда и было-то всего лишь два годика) прелюбопытнейший случай.

Я играл один в ограде, возил на самодельном, изготовленном моим старшим братом Станиславом, грузовичке песок. На оградные ворота взлетел петух, прокукарекал несколько раз, а затем неожиданно для всех слетел сверху прямо на меня, сбил с ног, и, не складывая крылья, приготовился меня лежачего клевать. Я, ошарашенный его наглостью и подлостью, заревел "на всю Ивановскую", но не от боли, а скорее от обиды. Отец в это время обедал на кухне, находясь как раз возле окна. Услышав шум и мой крик, и увидев происходящее, он моментально бросил на стол ложку, выскочил во двор, прихватив в сенях топор, схватил петуха, готовившегося истязать меня, и тут же на тротуаре отрубил ему голову. А затем долго носил меня на руках, пока окончательно не успокоил. Так не дообедавши и ушёл батя на работу. Мать позднее ругала его за столь суровое наказание, вынесенное инкубаторскому злему забияке. Что ни говори, а десяток кур остались без вожака-петуха в разгар лета. Пришлось срочно искать ему замену (нашли красавца многоцветного, но дороговато он нам обошёлся), ведь две дюжины своих цыплят, которые у нас в этот сезон бегали по двору, подрасти должны были лишь только к осени.

И в дальнейшем, вплоть до самой своей смерти, отец ко мне относился более благожелательно, с большей любовью, нежели к троице старшеньких, за что на меня от них сыпались и до сих пор сыплются (при наших редких встречах) постоянные упрёки, порою и вовсе неуместные.

А какими тоскливо-слезливыми были его слова, когда он будил меня, поздно пришедшего домой после гулянки, в дни отъезда после каникул в Архангельск на учёбу: "Коля, вставай, пора завтракать, да собираться на аэродром. Время впритык". До сих пор, кажется, звучат в моих ушах эти с печальной интонацией произносимые им слова. Невольно вспоминаются слова из романса Дмитрия Покрасса: "Всё что было, всё что ныло, всё давным давно уплыло..." А вот в моей памяти, наоборот, всё бывшее запечатлелось и, кажется, навсегда.

4

Как я люблю тебя добрый и ласковый, Город родной.

(из песни тех лет)

Принятое властями решение о расширении границ города на востоке, вызвало эффект домино. Одни мы оставались недолго. Быстренько продолжилась застройка чётной стороны улицы Новоборисовской. Появились соседи - Баёвы, переехавшие сюда из Филимоновых Гарей, далее Панкратовы,

откуда-то из-за Пермаса, Рыковановы, Горчаковы, Лешуковы, Белоруковы и т.д. Комсомольская тоже ожила, вслед за нами построились Поповы, Горчаковы. Обе семьи с Пермасской стороны. Далее нигинчане Сверчковы, за ними - Сквородкины. Баданины своим огородом уже упирались в речку Криводеевку, за которой начиналась колхозная земля. После небольшого перелеска, что рос в низине, уже за речкой, начиналось огромное, по нашим детским меркам, поле, тянувшееся вплоть до речки Оботуровки. С южной стороны оно подходило к Криводееву. Город приобрёл свою новую восточную границу, проходившую уже по речке Криводеевке.

Из новопоселенцев в компанию к нам с Лёней Баёвым присоединился одноклассник - Володя Горчаков, с улицы Комсомольской. Остальные ребята были как минимум на два - три года моложе нас (речь идёт о конце 50-х годов). Вот этот-то наш триумvirат долгие наши юные годы и "правил своим пацаньим новоборисовским миром". Остальные же хлопчики - молодяжки, ходили у нас, грубо говоря, в "шестёрках". Я же, что вполне естественно, на правах "старожила" являлся "главарём" тройки. Решал по играм все спорные вопросы. Тем более, что у меня были старшие братья, хорошая для меня "крыша". Если бы хоть кто-то попытался повыпендриваться, братья мои тут же поставили бы их на место. Иерархия соблюдалась строго. Лёня же и Володя в своих больших семьях были первенцами среди мальчиков и такой как у меня "крыши" не имели.

Как же нам нравился наш город, особенно воистину наш восточный микрорайон. Всё здесь было у нас и для нас: и лесочки-перелески, и высаженные ещё в давние времена где-то два десятка лиственниц вдоль рва, на которые мы лазали почти до самой вершины, и две полянки, и речка Криводеевка, и сам величавый для нас Юг, с его небольшими пляжами, с рыбой и раками, и колхозные поля с турнепсом и горохом - лакомством пацанвы, и плодово-ягодный опорный пункт, куда мы иногда "наведывались" для утоления голода. Ведь в летнее время "носились" мы не заходя домой с утра и до самого вечера. Воля - волюшка! Ух, аж дух захватывает от воспоминаний о нашем босоногом детстве. Такая свобода нынешним ребятишкам и не снилась. Даже жалко их порою, нынешних пацанят, затурканных чрезмерной родительской опекой и забитых гаджетами.

Я не случайно обмолвился о нашем босоногом детстве. Начало и середина пятидесятых для нас таковою и была. Обувь детская была в дефиците. Носили её на выход в город, да в школу, а так, просто побегать можно было и босиком. Конечно, если на улице становилось очень грязно и прохладно, то мы обувались в кирзачи - всепогодные наши вездеходы - "внедорожники". До сих пор вспоминаются тёплые после грозового ливня лужи. Бродим по ним подолгу, испытывая приятные ощущения. Это сейчас светины от медицины советуют всем ходить босиком по траве, на ступне, мол, есть различные точки, отвечающие каждая за определённый человеческий орган. Внушают нам, что непосредственный контакт ног с землёй, залог обеспечения человеку здоровья. Нам без всяких врачебных заповедей, волей-неволей приходилось "контактировать" с землёй-матушкой, потому мы, видимо, практически и не

болели. Изредка, на ходу пошмыгаешь носом день-другой - и всё. В те времена, скорее всего, и выработался у нас иммунитет к простудным заболеваниям, да и не только к ним. Во всяком случае, по больницам-поликлиникам "наш брат" лишка не шастает, а ведь нам уже на восьмой десяток перевалило.

О бережливости, а вкупе с ней и о пользе хождения босиком приведу ещё один пример. Завершив все строительные работы по дому, где-то году в 1953-м отец пробросил у дома и вдоль нашего огорода тротуары. Дом наш в то время был ещё последним по улице Комсомольской. Все дни бегая на улице, я как-то заметил женщину, шедшую босиком со стороны Оботурова. Подойдя к нашим тротуарам, она вымыла в лужице ноги, вытерла их какой-то тряпочкой и надела туфли. Не ускользнула от моего внимания и обратная процедура: возвращаясь обратно из города, она сняла на тротуарах туфельки, а дальше пошла босиком. Сия процедура повторялась на моих глазах за лето несколько раз. Как выяснилось потом, это была учительница Ирдановской школы.

Часто вспоминаются те старые, добрые времена. Утро. Июньский зной начинаешь ощущать ещё на чердаке. Спускаешься по лестнице, взгляд в комнате бросаешь на часы - 10=00. В кухне на столе - завтрак, на тарелочке, под полотенцем. Выходишь на улицу, потягиваясь, разгоняя остатки сна, глядишь вдоль Новоборисовской в южном направлении, туда, где у домов тётки Степаниды и Ивана Дадовича росли огромные черёмухи, и то ли видишь, то ли чувствуешь. то ли ощущаешь стоящий зной. Он действительно стоит, как некая густая субстанция. Не шелохнётся ни один листочек на кустах и деревьях, не колыхнётся ни трава, ни цветы. А на термометре + 30 градусов, в тени. Но и без него прекрасно чувствуешь эту температуру.

Собираемся с Лёнкой и Вовкой, а с нами и пацаны по нынешнему - "мелкие", и идём на реку загорать и купаться на весь день. Иногда на столь долго, что обед и ужин у нас совмещались. Но мы всегда в ту пору были сыты. У нас же под боком находился, его величество, "Фрунтово-ягодный опорный пункт" и колхозные поля.

Весёлое у нас было детство, разбитное, куражистое. Триумвират наш оказался и боевым, и деловым, и в то же время справедливым. Мы дрались по-серьёзному с "чужаками-пришельцами", которые пытались проходить через нашу территорию на опорный пункт, чтобы полакомиться там ягодами.

Чётко "ставили на место" и приезжавших на летний отдых из Мурманской области к своим бабушкам пацанов. Они пытались перед нами "гнуть понты", обзывая нас дикой деревней. За свои выкобенивания они получали от нас по полной программе. Доходило дело до синяков, до крови из носа. После чего, приняв наш догмат, они уже больше не выпендривались.

Приоритетной же у нас была забота о чуть более младших наших пацанах, что также проживали на нашей улице. Их мы в обиду никому не давали, особенно чужакам с других улиц. В свою очередь и они были нам преданны - без всякой присяги.

Свою любовь к городу, особенно к нашему восточному микрорайону, мы с честью пронесли через все годы, через все радости и невзгоды. Не было и нет милее и роднее нашего Никольска.

**Улица, ты улица, широкая моя,
Травушка-муравушка зелёнькая...**

(Из песни)

Кто же жил - поживал на нечётной стороне улицы Новоборисовской, там где кончался до начала пятидесятых годов город? Наискосок, через дорогу от нашей новостройки стоял полувросший в землю дом истовой богомолки Натальи Угловой. Тихая, спокойная, добрая, аккуратная старушка, никому, ни взрослым, ни детям, никакого зла не делавшая. В ограде у неё был вырыт колодец, водой из которого пользовалась вся округа. Приходили с вёдрами и рано утром, и днём, и нередко поздно вечером. А посему, оградную дверь она никогда не закрывала. Воды хватало и на питьё, и на баню, и даже, если была потреба, то и на полив. Иногда в сухие лета колодец вычерпывался полностью. Тогда собирались все мужики для его чистки и конечно же небольшого углубления. Мой отец, как самый худенький, легко забирался в колодец, черпал ведром песок и глину, подавал наверх. По завершении сией "операции", Наталья обносила мужичков водочкой из старинной рюмочки-лафитничка, потчевала на закуску огурчиком. Мы, пацаны, всегда присутствовали на этом мероприятии, и обиженными никогда не были, нас Наталья угощала конфетами. С ней все жили в ладу и полном доверии. Помогали при случае чем могли. Она тоже в долгу не оставалась. Я хорошо помню, когда родители вечерами уходили в кино, на концерты, или на собрания, то всегда меня оставляли у неё. Она очень интересно рассказывала о религии, показывала иконы, коих у неё было много, журналы с картинками по этой же тематике. К приходу родителей она всё это убирала, ибо знала, что мои мать и отец, как она говорила, "партейные" и Бога не признающие. Видимо, я как-то нечаянно дома обмолвился, что смотрю у Натальи баские "картинки". Мать заподозрила неладное и однажды пришла за мной раньше срока, "накрыв" нас с Натальей на месте "преступления". Всё, финита ля комедия. Больше меня у неё не оставляли.

Пацаньи набеги на её огород мы никогда не проводили, хотя возможности залезть на её плантацию были даже днём. Любили мы её по-детски и уважали.

Следующим в направлении улицы Красной был дом Степаниды Кузьминичны Тропиной. Полный антипо Наталье. Степаша, как звали все знавшие её, работала в какой-то торговой организации и умудрялась там приворовывать кое-что из продуктов питания. Взрослые жители знали об этих её грехах, да и она сама особо этого не скрывала, любила потрепаться на эту тему. Нынче бы о ней сказали - предприимчивая. Сварливая, дюже громкоголосая, косившая под богомолку, но наряду с Божьей матерью не забывавшая при ругани с кем -либо упомянуть и иную мать, а то и пяти-, и семиэтажным залудить. Любила петь с попом на кладбище на религиозных праздниках, на отпеваниях покойников. Ссорилась она практически со всеми на нашей улице. Взрослые, как правило, старались с нею не связываться и в разговоры не вступать - себе дороже. Зато мы, мальчишки, измывались над ней по самой полной программе. Дразнили, как могли, бросали грязь, глину, камни

в её домишко, который был столь маленьким, что казался игрушечным. Каким-то не настоящим. Обит он был тарной ящичной дощечкой, столь тоненькой, что лопалась при попадании в неё даже небольшого камня. Особенно доставалось ей от нас в святочные праздники, тут уж мы отводили душеньку. Она в долгу старалась не оставаться. Однажды как-то летом она пошла за водой на колодец и заметила нас, увлечённо игравших складенчиком на полянке. Подкралась незаметно к нам, замахнулась коромыслом, громко крикнув при этом: "Ну, вот вы мне и попались!" Мы резво вскочили и рванули на дорогу. Брошенное в нас коромысло попало мне крючком в пятку. Боль я уже почувствовал находясь в безопасности. Но, ничего, обошлось без особых последствий. Зато месть была адекватной...

Родители нас за это не наказывали, даже не оговаривали - до того Степанида была вредна, и не в ладах со всей улицей.

Такое положение дел в отношениях с пацанвой, безусловно, её не устраивало, и она нашла выход, точнее подход к нам, довольно-таки оригинальный. Вёснами она прирабатывала продажей рассады практически всех овощей. Таковых торгашей в Никольске было немало. Чтобы ей легче было реализовать свою "продукцию", она уговаривала нас приводить к ней покупателей, обычно деревенских женщин, за определённую мзду. Вычислить желающих купить рассаду было нетрудно. Незнакомая женщина с пустой корзиной - наш, а потом и Степашин клиент. Мы вели таких колхозниц к ней, по дороге расхваливая на все лады её растительность (вот она, настоящая-то наша советская реклама - это вам не прокладки втюхивать!). За каждую женщину она платила нам звонкой монетой, коей хватало нам и на конфеты и на пряники. Сплошной кайф, да и только. Ввергнутые в торговый оборот, мы начинали уже и вовсю наглеть. Умудрялись уводить покупателей прямо с огорода Степанидиных конкурентов. Причём делали это не раз, за что однажды вся троица и пострадала. В один из наших заходов к Ивану Никаноровичу Куклину, когда мы из его очереди "отбили" трёх женщин и повели к нашей "работодательнице", опроволосившись, по-нынешнему лоханувшись, неожиданно получила от пострадавшего "агронома" по заднему месту вицей. Что ж, всё правильно, нельзя было нам терять бдительность, да и наглеть-то чересчур тоже было не надо. Степанида, надо отдать ей должное, оценила наш "ущерб", выдав премиальные медяки.

В следующем доме жила пожилая чета: Иван Дадович и тётя Варя. Были они бездетны, жили тихо, скромно, ни в чём и нигде в плохом не засветились. Он - тракторист, она - домашняя хозяйка. В кабину колхозного нового ДТ-54 он нас допускал посидеть, потрогать и рычаги, и педали, "порычать" громко и "потарахтеть". Нам было достаточно и этого.

Семья Еремеевых, где проживала Нина, девочка-задавака, которая была на два года моложе нас, и которой от нас регулярно доставалось за её длинный язык - это следующий дом. "Поставить её на место" нам долго не удавалось. Она по-прежнему дразнила нас, мы её в ответ поколачивали. Потом как-то сама по себе ситуация рассосалась. Мы попросту стали игнорировать друг друга.

За ними располагалось общежитие опорного пункта. Там проживало с

матерьюми (отцов ни у кого не было) трое "мелких" наших товарищей. Жили семьи очень бедно, очень трудно. Особой заботой, вселенской проблемой у них были дрова. Матери, возвращаясь с работы, несли валежник, где-то находили крупные щепки. Детишки из недалёкого лесочка также приносили домой валежник, крупные сучки. Соседи, в разговорах между собой не раз сетовали друг другу о воровстве дров из поленниц. Но, не пойман - не вор. Разборок на эту тему никаких не было, во всяком случае я не припоминаю.

Далее за общагой жили-поживали в своём доме уже старенькие сёстры Перетягины. У одной из них были два сына. Старший - инженер. Работал где-то под Ленинградом. В Никольск он практически не приезжал, я его даже не запомнил. Зато второй был нашим кумиром. Лётчик. В нашем понятии он был героем. Летал на Ан-2, выполняя по области в основном пассажирские рейсы. Нередко бывал и в Никольске. Фишкой его был пролёт над родным домом на небольшой высоте, помахивая крыльями. Кстати, жалоб на его трюки ни от пассажиров, ни от горожан не поступало.

Семья Камкиных, проживавшая в следующем доме, была для всех слишком закрытая. Пожилая мать с пятью детишками, которые в наших играх участия не принимали, занятые огородными и иными хозяйственными делами. Они вообще на улице не появлялись.

Последний, пограничный для нас пацанов, дом, кстати, угловой, принадлежал главному бухгалтеру леспромхоза Берсенёву. Его дети уже "числились" нами чужаками, к нам они не ходили, а дружили -хороводились с "красными" (по названию улицы - Красная). Хотя мы и не играли с ними, но и не враждовали. Соблюдали нейтралитет.

6

От ножичков до футбола

С фабричными игрушками в те времена была в Никольске большая напряжёнка. Из-за постоянного бездорожья завозились к нам с превеликим трудом в основном только продукты, да товары первой необходимости, по возможности строительные материалы. Детишки занимались чем могли и как могли. Самодельные машинки, такие же кораблики. Знаменитая во всех регионах страны "войнушка", ведь свежи ещё в памяти участников ВОВ были их подвиги, воспоминаниями о которых они делились со своими детьми.

Любимая игра - в ножички. Перочинные ножики-складенчики были у всех пацанов. Игра очень простая: устанавливаешь остриём нож по очереди на определённые части тела и сбрасываешь переворотом его на землю остриём, чтобы он воткнулся. Если у тебя не получилось - играет другой.

Перегоняли пистон (гильзу от патрона) присоской от рта по щеке, лбу, до кончика носа. Трюк, кстати, трудно исполнимый.

Катали колёса. В автоконтуре нам давали диски сцепления и обручи для крепления колёс. Не за красивые глазки, конечно же, а за папиросы, кои мы брали у отцов без спроса (аналогично мы добывали и латанные-перелатанные автомобильные камеры для купания). С помощью рогатки, сделанной из проволоки, мы и катали-толкали эти колёса впереди себя. "Ездили"со звоном,

выполняя как при вождении на машинах разные фигуры "высшего пилотажа".

Защита городков. Игра на полянке, где сейчас обосновалась "Пятёрочка", мячом и битой. Что-то сродни с лаптой, или американским футболом.

Гоняли прямо по дороге "попа", аж до самой речки Криводеевки, а потом, по чьему-то "стуку" наперегонки бежали назад, чтобы не быть "попом". Тогда машин на улицах было крайне мало, их всего-то в районе насчитывалось едва ли два-три десятка, поэтому движению мы не мешали.

Катались на изредка проезжавших грузовых машинах, на ходу цепляясь за задний борт. Тогда на автомобилях не было зеркал заднего вида и шофёр не мог замечать наши цеплялки.

Тачки, самокаты - самоделки на подшипниках из той же автоконторы, на коих мы могли кататься только по тротуарам - это тоже наше детство.

С появлением резиновых мячиков мы навсегда "подсели" на футбол. Была в нашем леске крохотная полянка. Оборудовали как могли её под футбольное поле и сражались на нём раделившись по принципу "маток" на две равных команды. Этот наилучший вид спорта сдружил нас со всеми врагами-соседями. Теперь мы с ними выясняли отношения лишь на футбольных матчах. Следующий этап - первенство города среди детских команд. Играли уже настоящим мячом, по всесоюзным правилам, с беспристрастным судейством.

7

Я буду долго гнать велосипед...

(Николай Рубцов)

С велосипедом по жизни. Да-да, именно так и было, так и есть, так и будет. На исходе лета 1962 года, после пятого класса, на честно заработанные мною за два с небольшим месяца на "Скотобазе" деньги я купил с рук воистину красавец-велосипед, производства Харьковского велосипедного завода. Марка: В - 120 "Украина". Их в Никольск завезли всего две единицы. Второго, кстати, мы никогда в городе не видели, видимо он был приобретён кем-то из дальних деревень. Чёрный, с красными и белыми полосками по раме и по крыльям, с фарой и динамкой, с завитым в спираль проводом - он вызвал у всех наших пацанов и восторг, и радость, и в коей-то мере зависть. Как блестели их глаза, когда они разглядывали этот воистину шедевр нашей отечественной промышленности - это надо было видеть. Я от этих их взглядов просто млел, мне было так приятно созерцать это мальчишечье действо. Это была и моя гордость, возможно, и независимость, и, в коей-то мере, и моя самостоятельность. Это было, короче, моё всё! Пацанам, вполне естественно, я давал покататься, ведь жадностью я никогда по жизни не отличался.

Что мы делали на "Скотобазе"? Помогали гуртоправам перегонять крупный рогатый скот на первых от Никольска 20-30 километрах. В то время на мясокомбинат в Тотьму или на железную дорогу в Шарью перегоняли КРС стадом (гуртом) голов под сотню каждый. Гнали неспеша, с нагулом, то есть с частыми остановками на выпасах для кормёжки, с тем, чтобы животные не потеряли в весе, а наоборот, прибавили. Также перегоняли молодняк в летние откормочные лагеря, что были километрах в 15-20-ти от Никольска.

Приходилось и пасти скот, только что принятый от частников и из колхозов на ближайших пастбищах. Довелось огораживать покотины, заготавливать жерди и выполнять иную мелкую работу. Платили подёнку - 1 рубль 41 копейку. В пересчёте на месяц получалось где-то под сорок рублей. Плюсом было и молоко, по 3-литровому бидону ежедневно. Это ли не подспорье для семьи? Вначале коров доили лишь наши девчонки, но ведь чтобы всю работающую молодёжь "обслужить", уходило много времени. Мальчишки, в том числе и я, вскоре освоили это ремесло и доили уже сами. Заработанных мною денег хватило и на велосипед (60 рублей) и на кое-что ещё. В то лето мы буквально "выросли" в глазах и своих родителей, и соседей, и пацанов с других улиц, которым отказали в приёме на работу. Вскоре обзавелись своими велосипедами все наши пацаны.

В это же время началась ещё одна новая эра в нашей жизни. К нам "на полянку" стали приходить ребята и девчата даже с нижней части города. К тому времени нами была оборудована и волейбольная площадка. Сеток тогда не было в продаже, даже на городском стадионе висела вся в дырах, более похожая на драную тряпку, нежели на спортивную принадлежность. И ведь до чего мы додумались? - Сплели сетку из, не поверите..., из алюминиевой проволоки. Играли до самозабвения. Девчонок ближе к ночи развозили по домам на багажниках своих велосипедов. Появились первые парочки. Любовь - не любовь, но дружбою с девочками увлеклись мы практически все.

Вот так и жили не тужили мы все школьные годы. В дальнейшем судьба развела нашу тройку по городам и весям нашего государства. Во взрослой жизни мы уже дружить не могли по причине большой удалённости друг от друга. Но при редких наших встречах первый тост был всегда за нашу улицу родную, улицу детства -Новоборисовскую.

* * *

К сожалению, время летит быстро, просто с космической скоростью. Представители нашего поколения постепенно уходят в мир иной. На сегодня из нашей воистину боевой тройки в живых остался лишь я один. Да и из бывших наших "мелких" живы только двое.

А улица наша жива, и продолжает жить. Новые поколения выросли на Новоборисовской, немало появилось и новосёлов. Так же как и в наше время детишки бегают по ней друг к другу в гости, ходят в школу. Правда, совершенно иные отношения складываются между ними, не чета, вероятно, нашим, боевым, задиристым. Более мирная теперь ребятня, больше зацикленная на компьютерные игры и совершенно игнорирующая улицу. Дай им Бог побольше здоровья и счастья, и поменьше разного рода болезней и лишений.

Перестраиваются на родной моей улице старые дома, строятся новые, более основательные, более красивые. И это мне нравится. Хотя нет-нет да и проскользнёт по лицу ностальгическая слезинка, когда идёшь по своей родной, давшей мне путёвку в жизнь, Новоборисовской, по делам в центр города и вспоминаешь: вот здесь жили когда-то Баёвы, а тут - Горчаковы, чуть поодаль -

Белоруковы, а там - Панкратовы, Южаковы, Еремеевы, Лешуковы, Тропины... и, конечно же, вот здесь мы - Ждановы.

Пройдёт ещё немного лет и уйдут последние из нас - "могикан", старожилы улицы Новоборисовской. Растворимся мы в веках, так же, как и наши предки.

Но, хочется надеяться, что эта совсем небольшая моя публикация - информация в оцифрованном виде сохранится надолго. И в какомнибудь - дцатом веке, некий, любопытный, любящий историю никольский мальчишечка - краевед и наткнётся случайно на неё, прочитает и скажет: "Д-а-а, как примитивно и бедно, но интересно жили наши предки. А вот ведь в компьютерных учебниках об этом ровным счётом ничего не сказано"...

Николай ЖДАНОВ, 2021 год.